Василий Аксенов

Шестьсот метров по прямой

Часть сборника
Логово Льва. Забытые рассказы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Первого января 2001 года на ночь глядя я приехал в город Биарриц, что стоит на высоком каменном береге Атлантического океана, в юго-западном углу Франции, в пятнадцати километрах от испанской границы. Не знаю уж, что меня занесло именно сюда, именно в эту ночь…»

- Василий Павлович Аксенов
- Случайных совпадений не бывает
- Шестьсот метров по прямой

Василий Павлович Аксенов
Шестьсот метров по прямой

Издательство благодарит за помощь сотрудников архива «Литературной газеты»

Случайных совпадений не бывает

Свидетельствую: зрелый Аксенов, свирепо именовавший даже своих знаменитых «Коллег» (1960) и «Звездный билет» (1962) «детским садом», очень не любил, когда ему напоминали о его *первой* публикации 1958 года, сильно кривился, имея на это полное право, но отнюдь не обязанность.

Потому что без этих ранних, наивных «Асфальтовых дорог» и «Дорогой Веры Ивановны» знаменитый Василий Аксенов, из джинсового пиджака которого, как из гоголевской «Шинели», вышла вся новая русская проза, – далеко «не полный».

Нужно было звериное писательское чутье тогдашнего редактора суперпопулярного журнала «Юность» Валентина Катаева, чтобы разглядеть в экзерсисах безвестного выпускника Ленинградского мединститута нечто стоящее, неуловимо отличающееся от расхожей «оттепельной» комсомольско-молодежной лабуды про парткомычей «с человеческим лицом» и честных советских ребят, которые верны «заветам отцов», хоть и любят американский джаз. Говорили, что мэтра восхитила фраза молодого автора «стоячая вода канала похожа на запыленную крышку рояля». Такого он давненько не слышал и не читал. Здесь же и «пепельница, утыканная окурками, похожая на взбесившегося ежа», и «темные углы военкомата», и «официант с каменным лицом жонглера».

Раннего Катаева, будущего Героя Социалистического Труда, награжденного двумя орденами Ленина, углядел автор «Окаянных дней» Иван Бунин, будущего «отщепенца и антисоветчика» Аксенова – Катаев. Круг замкнулся. Всем всё зачтется.

Первые рассказы этого сборника – наглядная иллюстрация того, как «Вася из Казани», обладающий природным даром и горькими знаниями о жизни, на какое-то время *пытался заставить* себя поверить в искренность заведомых коммунистических лжецов, утверждавших, что к прошлому нет возврата. Он, сын репрессированных родителей, получивших нечеловеческие сроки советских лагерей, пытался *честно* вписаться в систему, но быстро понял, что это, увы, невозможно. И, самое главное, не нужно, *неправильно.* Что с этими красными чертями нельзя, не получится договориться *по-хорошему.* И нужно для начала удалиться от них в другие, недоступные им сферы. Ну, например, туда, «где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах». Или на теплоход, идущий под радиомузыку из «Оперы нищих» по сонной северной реке. Там чудеса, там

героические летчики в «длинных синих трусах» неловко прыгают в воду, плавают не стильно, а «по-собачьи», глупо острят, но все же обладают неким таинственным знанием о законах «катапульты», которое пока что недоступно двум спортивным столичным пижонам…

А эти пижоны станут лет эдак через десять отчаявшимися, спившимися героями аксеновского шедевра, первого его свободного от власти и цензуры романа «Ожог», который он начал писать в стол сразу же после «чехословацких событий» 1968 года. «Перемена образа жизни» аукнется в «Острове Крыме». Рассказ «О похожести» – в «Новом сладостном стиле» и «Кесаревом свечении». Аргентинский скотопромышленник Сиракузерс обернется персонажем народного гиньоля под названием «Затоваренная бочкотара».

Процесс пошел, процесс идет. Случайных совпадений в жизни не бывает. 20 августа 1937 года, ровно в тот день, когда ему исполнилось пять лет, Василий Аксенов, будущий кумир многих поколений российских читателей был свезен в дом для детей «врагов народа». Всхлипывая, он впервые заснул на казенной кровати, прижав к мокрой щеке любимую игрушку, тряпичного *львенка.* Эта книга называется «Логово льва».

Евгений Попов Июнь 2009

Шестьсот метров по прямой

Первого января 2001 года на ночь глядя я приехал в город Биарриц, что стоит на высоком каменном береге Атлантического океана, в юго-западном углу Франции, в пятнадцати километрах от испанской границы. Не знаю уж, что меня занесло именно сюда, именно в эту ночь. Я уже был здесь однажды года за полтора до этого странного путешествия, в разгаре летнего сезона. В те дни город и пляжи были заполнены толпами загорелых, среди которых преобладали юнцы с глазами, в которых не отражалось ничего, кроме океана, так называемые серферы, то есть «идущие по волнам». По вечерам на площадях играли джазисты и люди всех возрастов и рас свинговали рядом со столиками кафе. Не знаю, какой процент этих толп связывал этот город с воспоминаниями Владимира Набокова, что провел именно здесь свое «золотое детство». Думаю все-таки, что менее одного процента: я был среди них. Предполагаю, что именно та жаркая, блаженная стихия удачного сезона подтолкнула меня к тому, чтобы увидеть этот шикарный город зимой: писательское ремесло тянуло выстроить контраст.

Оставив чемодан в номере гостиницы, я отправился на прогулку. На темных улицах не было ни души. Светились витрины модных бутиков, агентств недвижимости и кондитерских лавок. Стоял какой-то постоянный ровный грохот, как будто где-то поблизости шел бесконечный товарный состав. Не сразу я сообразил, что это не железная дорога шумит, а бесконечный в своем волнении океан. В конце улиц с уютно светящимися окнами вздымались белые валы серфа.

Над одним из агентств по продаже недвижимости значилось, что оно является старейшим в этих краях, то есть числит свои дни еще с конца XIX века. Не менее двух дюжин фоток показывали, чем они сейчас богаты: несколько квартир с видом на море, а также «виллы», то есть отдельные дома с садовыми участками. Одна из этих картинок почему-то привлекла мое внимание. На ней был изображен белый домик на довольно крутом склоне: одно окно, стеклянная дверь, терраса в стиле сочинских здравниц тридцатых годов; перед домом красовалось дерево магнолии. Потоптавшись перед этим окном, я двинулся дальше и вышел на набережную. Под обильной луной в белой пене и в вихрях брызг воевали знаменитые скалы Биаррица. В голову пришла неожиданная мысль: почему бы мне не поискать какую-нибудь обитель в этом Зурбагане? Двадцать четыре года я уже тружусь профессором в американском университете, не достаточно ли?

Почему бы не уединиться здесь со своим сочинительством? Почему бы не сократить ежегодные полеты в Москву на ширину Атлантического океана?

Утром я отправился на поиски. Оказалось, что риэлторских агентств здесь больше, чем бутиков и кондитерских, вместе взятых. Служащие с удивлением смотрели на новогоднего покупателя, который к тому же почти не говорил по-французски. При изобилии предложений я почему-то не мог найти ничего подходящего: то слишком дорого, то слишком дешево. Только во второй половине дня я вспомнил о картинке, перед которой топтался прошлой ночью, то есть той самой первой картинке среди сотен непервых. Отправился в то самое старое агентство, и там меня встретил самый молодой агент по имени Стефан; он бегло говорил по-английски.

Тут же мы с ним помчались на южную окраину города. Минут через пять-семь его «Пассат» взмыл на вершину холма, и передо мной открылась обширная равнина с черепичными крышами, верхушками пальм, обширными пляжами с постоянным накатом волн и с замыкающими эту долину отрогами Пиренеев, похожими на столь милый моему сердцу Восточный Крым. Несколько секунд пребывания на вершине холма заполнились какой-то бравурной нотой вхождения в новый мир, после чего мы углубились в кварталы «вилл», чтобы через пару минут остановиться перед ожившей картинкой маленького строения в стиле сочинских здравниц тридцатых годов. Сильный бриз колебал ветви магнолии и потрескивал верхушками пальм. Что-то еще поразило меня в первый момент, но я не сразу понял, что это было.

Пока поднимались к дому, Стефан рассказывал о своем товаре. Отсюда до океана шестьсот метров по прямой, то есть если вы будете летать со своей крыши на дельтаплане. В доме сто двадцать метров жилой площади. За домом сад размером в тринадцать соток. Цена всей усадьбы полтора миллиона. К счастью, тогда они еще считали во франках. А доллар в тот год стоил почти восемь франков, то есть на нынешние деньги – евро и двадцать центов.

Слушая Стефана, я почесывал затылок, производил в уме какие-то неуклюжие калькуляции возможного кредита, взвешивал, так сказать, все «за» и «против». Наконец мы подошли к крыльцу, я поднял голову и сразу понял, что меня поразило в тот первый момент. Передо мной стоял большой, в два человеческих роста, куст, покрытый с ног до головы большими красными цветами с ярко-желтыми тычинками. Собственно говоря, он просто полыхал, что твоя «неопалимая купина». «Это красная камелия, – пояснил Стефан. – Начинает цвести перед

Новым годом и цветет весь январь». «Ну, все ясно, – сказал я. – Теперь давайте уточнять детали».

Говорят, что именно так надо делать выбор: искать разные варианты, а потом возвращаться к первому впечатлению – особенно если к нему добавляется куст такого дерзновенного зимнего цветения. Таким случайным образом я и набрел на новую среду обитания.

В принципе в этой среде круглый год что-то цветет: в палитру этого склона добавляется то одна, то другая краска – сиреневые пятнышки, оранжевые огоньки, лиловые ореолы, то мальва начинает, то петуньи, то ибискус, то гортензии. Ну а когда уже все отцветет и поистреплется под частыми бискайскими штормами, начинает полыхать красная камелия.

Иные друзья надо мной подтрунивают: вот, дескать, ты всегда считался мастером урбанизма, а теперь стал сущим ботаником. И впрямь, забираясь иной раз с целью сочинительства в это гнездо, откуда открывается вид сразу на две страны, Францию и Испанию, не считая уж распространяющейся на все это пространство Басконии, я становлюсь обитателем ботанического склона наряду со слоняющимися там соседскими кошками, пробегающими мимо собаками, воркующими голубями и шустрыми сороками. Пока не приехал туда великолепный Павел Лобков со своей группой НТВ, я, собственно говоря, не знал, как называются девяносто процентов моих зеленых сограждан. Лобков сильно меня продвинул в ботанических познаниях и даже высадил там юную пальму. В каждый новый приезд я хожу среди своих растений и, кажется, вступаю в какие-то особые, не вполне понятные, но ободряющие отношения и с дубом, и с кедром, и с олеандром. Впрочем, они ведь вряд ли знают, как я их называю, иначе я бы знал, как они называют меня, не так ли?

Летом 2003 года на огромной территории Европы несколько недель стояла патологическая жара. Воздух был неподвижен до такой степени, что окружающая природа казалась не живой картиной, а фотографическим снимком.

После долгого отсутствия весной 2004 года я вернулся в Биарриц и увидел, что наша гордость, дерево магнолии, находится в плачевном состоянии. Листья пожелтели и скукожились, иные ветви полностью облысели. Зашел садовник, печально покачал головой: дело, мол, плохо.

Нет уж, подумал я, надо все-таки побороться за эту особь. Подтащил шланг и несколько часов с короткими перерывами поливал дерево мощными струями воды от макушки до ствола. На ночь оставил струящийся шланг у подножия. Утром увидел, как дерево может почти немедленно ответить на такую

массированную заботу. Среди явно оживших ветвей горделиво покачивались не менее семи распустившихся белых чаш. Древо как бы говорило: спасибо вам, сеньор приезжий, за вашу аш-два-о с аминокислотами. Это вам, спасибо, мадам магнолия, за ваши чаши.

2004